

Бережной С.Б.

ИНТЕРВЬЮ С В.В. БИБИХИНЫМ (1938–2004), ВЕЛИКИМ РУССКИМ МЫСЛИТЕЛЕМ (25-ГО МАРТА 2004 ГОДА)

Бибихин был научным сотрудником Института Философии РАН, читавшим свои лекции также и на философском факультете МГУ, академиком РАЕН, переводчиком философских трудов – Мартина Хайдеггера, Григория Паламы, Николая

Кузанского, Жака Деррида, гимнов Ригведы и многого другого. То есть он профессионально переводил с немецкого, французского, с латыни, греческого, санскрита. «Базовое» образование он имел филологическое (кандидат филологических наук), но состоялся первоначально в качестве автора философских статей и книг (Его книги: «Язык философии», «Мир», «Узнай себя», «Новый Ренессанс», «Другое Начало»), за одну из которых – «Новый Ренессанс» – в 1999 году он получил премию Малого Букера.

Бибихин умер 12 декабря 2004 года. Вероятно, значительное количество Его текстов, еще не дошедших до печати, – лекционных курсов и иных – будет издано посмертно в форме книги или книг.

П Е Р В О Е И Н Т Е Р В Ь Ю С В.В. БИБИХИНЫМ

... Путь привёл меня в ампириное здание Института Философии РАН (Российской Академии Наук), кое топографически – через Волхонку – оппонирует бело-золотой громаде восстановленного Храма Христа Спасителя. Здесь, в Актовом зале на втором этаже, заставленном стандартными шеренгами кресел, и состоялся наш разговор с Бибихиным.

По предложению Владимира Вениаминовича мы выбрали себе места «на солнышке» – у окна, в предпоследнем ряду, но тут же он встал, подумал и просто перешагнул через кресло в переднем ряду,

в которое и сел, развернувшись, насколько это было возможно, лицом ко мне.

– ...Достану бумажку... – *Бибихин развернул сложенный вчетверо, мелко исписанный карандашом, лист глянцевого бумаги.*

– Вы сделали мне такой пода-арок!.. Вопросы! – *позавчера, договариваясь о беседе, я вручил ему список вопросов к интервью, так что в руках сейчас он держал набросок своих ответов.*

– Я теперь себя чувствую, как будто бы оделся у Валентина Юдашкина или у Славы Зайцева – я теперь ФИ-ЛО-СОФ! Философ – это очень важно! В средние века философ должен был одеться в специальную одежду. Сейчас я впервые, быть может, во всей жизни – во всём мо-одном! ...Теперь к Вашим вопросам:

«Сейчас и снова – как бы Вы сказали – что же такое Философия и зачем она нужна?»

Ну-у! Теперь-то я могу уверенно говорить. Красиво. Особенно в новом моём облачении, которое Вы мне одели. Ведь я теперь философ! А Вы?.. А Вы – нет! Видите, какое огромное преимущество! А вот ЗАЧЕМ она нужна, КОМУ она, философия, нужна?.. Наверное, тот, кто ею занят, должен это знать. Давайте надеяться, что ОН знает – ФИЛОСОФ.

Но мне надо пропитаться этой новой одеждой, этим новым облачением, которое Вы мне дали...

– **Что же Вы никогда раньше не ощущали себя философом? Вы занимаетесь философией, пишете философские книги, переводите сложные философские тексты. И говорите о них уверенно.**

– Уверенно кто угодно о чём угодно может говорить. Вы что?! Если уж о чём-то говорить, то лучше говорить уверенно или вообще не говорить. О политике, например, уверенно говорят ВСЕ! Что же, они теперь политики? Мне кажется, ситуация аналогична.

Но ваш первый вопрос распадается на подпункты:

«А) Нужна ли философия вообще, когда есть Религия, религиозная философия? Не проходит ли человек мимо чего-то важного в религии, если ему оказывается её недостаточно и он обращается к текстам философов-агностиков, атеистов? Нет ли в этом какого-то сущностного недостатка, неверия, непонимания, разбросанности, всеядности?» Если разбрасываться на философские системы, религия будет хуже... Да, конечно. Самое плохое, чего уж хуже, – разбрасываться! Лучше взяться за что-то одно и держаться крепко. Те, кто ходят в церковь, явно держатся. А вот, кто начал философствовать... это... пропащее дело, боюсь. Ничего хорошего, уж, не будет. Потому что могут прийти в голову разные мысли. Вот человек, который ходит в церковь, – ему уже совестно иметь в себе потребность философствовать, он держит себя.

На ваш подпункт Б): «Или философия – домохозяйка религии, которая при малейшем своеволии превращается в ересь? И столбовая дорога европейской философии (от Декарта и Спинозы) – путь атеизма и мракобесия?» – я могу с удовлетворением сказать, что, Слава Богу, и здесь в Институте Философии, и, вообще, везде в нашей стране многие философы уже верующие и ходят в церковь. Вообще говоря, пока человек без религии, он какой-то половинчатый. А-теист, а-гностик... Без религии он с приставкой «а», значит он с каким-то минусом. Он какой-то «нетакой», «недоделанный». Не так ли?

Второй вопрос: «Не могли бы Вы рассказать о себе? О Вашем философском становлении, о Вашем вероисповедании, о возникновении автора философских книг Бибикина В.В.»

Рассказывать о себе... Ну! Вы понимаете, это самое приятное! Что я знаю о себе? Что я – совершенно уникальная личность, уникальный человек. Так что, сколько о себе не рассказывай – всё будет недостаточно.

Вероисповедание? Я хочу быть ПРАВИЛЬНОГО вероисповедания. Да. А кто не хочет? Я хочу быть только на ХОРОШЕЙ стороне.

Что касается книг... Это дело простое. Дело в том, что я вообще с детства любил писать. Перьевая ручка – это из вещей, которые я помню у отца на столе, – всегда меня манила. Я сразу взял и стал писать. В три года. Так что, это органика...

– Извините, именно перьевая ручка?

– Тогда же были перьевые ручки. Ещё не было шариковых. Я же старый человек. Вот... С детства, сколько я себя помню, люблю писать. И умею писать красивым почерком. Что делаешь? Я и сейчас напишу красивым почерком, не хуже любой преподавательницы начальных классов. А у них КАЛЛИГРАФИЧЕСКИЙ почерк! И я могу не хуже. И, признаться, я очень люблю видеть, как то, что мной было написано, напечатано в типографии. Мне это так же приятно, как и переписывать.

– Вам приятно видеть именно Ваш или любой напечатанный текст?

– Мой!!! Не любой! Только мой. Или тот, который мне приятно читать.

Третий вопрос – кардинальный и основной: «Что такое мысль? Как следует учиться мыслить?»

Я Вам скажу, по-честному, что ни разу в жизни мне не удавалось уловить мысль! Не получается! Если бы я уловил и держал – я бы мог её описать. Не получается.

– Но ведь Вы УМЕЕТЕ думать. Пафосно, конечно, звучит, но Вы умеете мыслить, в отличие от очень многих людей. Это в Вас и поразительно!

– Я уже чувствую себя одетым не от Валентина Юдашкина, не от Славы Зайцева, а от кутюр, Париж. Спасибо. Я буквально расту в собственных глазах... То, что Вы сейчас сказали – об умении думать – крайне важная проблема. Учиться этому нужно. Для этого, наверное, надо идти на философский факультет. Учиться там пять лет, потом аспирантура, после аспирантуры тоже надо учиться... Можно ли научиться мыслить самоучкой? Наверное, ненадёжно... Как во всякой профессии, самоучкой – немножко нехорошо.

– Но Вы сами не учились на философском факультете.

– Тем хуже мне. Да. Я там не учился. Может быть, я бы умел мыслить тогда. Умел бы это делать. Ладить с мыслью. Держать её.

– Но ведь именно Вы умеете думать, в отличие от людей, окончивших философский факультет, защитившихся.

– Вы мне даёте фору. Но, тем не менее, мне кажется, что надо идти на факультет. В любом случае, это уж я по опыту жизненному знаю, само-

учкой – нехорошо! Или надо, если не принимают на философский факультет, найти большого философа, идти к нему и его слушать. Не всегда же он молчит, иногда он говорит. Наверное, такой путь. Простой путь: или философский факультет, или найти большого философа и его слушать.

– *А кто для Вас – большой философ? Вы известны, в том числе, как переводчик Хайдеггера. Можно ли сказать, что Вы многому научились у Хайдеггера или у кого-то другого?*

– Я вообще не вижу, чему я научился...

– *Может быть, Вы восприняли сам Дух философского действия, Дух способности мыслить?*

– Тоже не знаю... Меня однажды спросили на кафедре: чем я думаю? Я сказал: ну, чем... нога-а-ами!.. Надо мной стали смеяться, издеваться.

– *То есть, Вы сказали это не шутки ради?*

– Почему шутки ради?! Я попробовал один раз в жизни искренне высказаться!!!

– *Что думаете ногами?*

– Ну... ногами, движением тела... Надо мной стали издеваться, говорить, что я – сумасшедший.

Ваш четвертый вопрос: «Что такое иллюзия? Ваши детские, юношеские, более поздние иллюзии развеялись все или нет?»

Это тоже сверх-вопрос! В это всё упирается. Я стал думать и, вот, что мне пришло в голову... Иллюзия – это, наверное, когда казалось одно, а оказалось другое. Вот, когда кажется, что всё – абсолютно плохо, чёрно, жутко плохо, что мир не годится для жизни, а потом оказывается, что всё – хорошо... Что значит? Первое было иллюзией?

– *Да, но бывает и наоборот. Что-то казалось сначала хорошим, светлым, а оказалось чёрно... И человек шёл не туда, ошибался.*

– Совершенно верно. Как узнать – где иллюзия? Может быть, как раз во втором, а не в первом случае? Иллюзия – это то, что ОКАЗАЛОСЬ! Мне казалось, что всё – прекрасно, допустим человек или мир, а ОКАЗАЛОСЬ, что всё – плохо...

– *А если оба варианта? Если иллюзии отражаются одна в другой без конца? Как в случае нахождения между двух зеркал, когда возникает анфилада ваших отражений, уходящая в бесконечность.*

– Да. Может оказаться, что мы всё время – в иллюзиях! Или мы не знаем, что в большей мере является иллюзией – первое (что всё – плохо) или второе (что всё – хорошо)? Иллюзии постоянно развеиваются, но где гарантия, что результат развеивания – не иллюзия? Стоишь в полной неопределённости. Ничего не поделаешь!

Пятый вопрос – вообще замечательный: «Что такое Время? Можно ли говорить об этом?»

Вы замечали вот такую вещь, очень странную... Когда ВЫ ГОВОРИТЕ, то время как будто бы не пропадает, не утекает, со временем – всё в порядке! Так что, если всё время говорить, то можно и не знать, что такое время. ВЫ НЕ ЗАМЕТИТЕ, ЧТО ОНО – КАТАСТРОФА! Вот когда говорит другой человек, то не всегда время хорошо идёт, иногда кажется, что скучно, время тянется. Оно – тягучее... Но вот, допустим, Вам звонят и говорят, что вы можете получить деньги. Время этого звонка, когда говорят куда ехать, всё такое, оно, вроде бы, не утекает, оно – не катастрофа. Так что, наверное, время – это деньги.

Шестой вопрос: «Демографические тенденции таковы, что в трёх локомотивах технократической цивилизации – в Великобритании, Германии, Франции – через 40–50 лет национальности, традиционно исповедующие ислам, будут в преобладании. Следовательно, не будет ли религиозный ренессанс Европы исламским?»

Это в самую суть нашей теперешней ситуации. Роже Гароди, французский философ, лет 25 назад выпустил книгу: «Ислам – наше будущее». Сам он стал мусульманином... Но я-то, сейчас, в этом моём новом облачении должен отвечать как философ и вот – правильно Вы сказали, что зря христианство допустило философию. Это была иллюзия, что христианство и философия примиримы. А вот ислам, он, философию не допустит. Он будет к ней строже. Поэтому, он надёжней в этом отношении. Хотя, представим, что ислам – в Германии. Где сама почва – такая философская. Может быть, ислам там будет какой-то особенный, философский... и тогда всё возвратится на прежние круги.

– *Но тысячу лет назад именно исламская цивилизация была философским учителем достаточно дикой Европы. Оттуда – многие древнегреческие тексты, Аверроэс...*

– Да-да-да. Всё оттуда. В 11–12 веках только начинается самостоятельная судьба Европы.

Следующий вопрос: **«Читали ли Вы книги Карлоса Кастанеды? Когда? Что бы Вы могли сказать о сути в них сказанного?»**

Читал. Лет двадцать назад. На каком-то иностранном языке. И там говорится о таком знании, которое не у каждого есть. Вернее, мало у кого есть. Но тут уж ничего не поделаешь.

– *Да, но в этих книгах, кроме рассказа о таком знании, содержится цельная философская система со своим серьёзно разработанным понятийным аппаратом...*

– Да-а-а, превосходный понятийный аппарат., но... остаётся только завидовать. Это вещь, которой на философском факультете не научишь... Это дело особенное. Совершенно. Это нужно куда-то ехать в горы, куда-нибудь подальше. Лет тридцать побыть отшельником. Это связь с землёй, это прикосновение к восходу солнца, к закату, к почве... Это тайна.

Теперь вопрос о нашей литературе. Тоже очень важный, очень уместный: **«Читали ли Вы Владимира Сорокина? Что Вы читаете из современных авторов? Ваши оценки?»**

Вы опять умеете задеть за живое... Сорокин вводит нецензурные выражения... Много. Я – человек-«пятидесятник», пятидесятих годов. И, соответственно, автоматически, я... люблю нецензурные выражения!

– *Любите?!*

– Конечно! Люблю. Я люблю, когда нецензурно. Но тут же – страх! У меня, как у человека пятидесятих годов, – оглядка: а что будет, если на меня посмотрят и скажут, что, наверное, он ЧИТА-А-АЛ! Это всё равно, что я вышел из туалета, а руки не помыл! Мне уже руки не протянут поздороваться. Это меня и останавливает. Получается, что хочется и колется, и мама не велит.

– *Но Сорокин – это очень серьёзная, хоть и гротескная, литература. Это... о состоянии эпохи, о состоянии современных умов... не подберу лучшего выражения.*

– Нецензурное мне гора-а-аздо интересней, чем состояние умов. Вот когда идёт сплошное нецензурное – та-а-ак тянет! А состояние умов не тянет. Большей частью состояние умов какое-то... грустное.

О современных авторах... Что бы я стал читать? Что дадите, то и буду читать! Но есть авторы, которых я читаю, но которых не назову из страха. А то все станут их читать. Куда же денется тогда моя исключительность? Я уже буду не такой исключительный, как я себя чувствую. Так, между делом их назвать, как бы случайно, небрежно – это да. Чтобы никто особенно не обратил внимания. Это ещё можно. Я так и делаю, иногда, в печати. Но так, в лоб, прямо говорить?.. Боюсь, станут их читать!

– *А как представить Ваши собственные книги потенциальному читателю?*

– Проблема вся в том, что надо как-то уговорить людей их покупать. Когда хорошие книги покупают, причём необязательно даже мои книги, то это приятно. Надо как-то убедить людей, что если они эти книги прочитают, то им будет лучше. Но это... сложно! Мне-то уже СТАЛО лучше от того, что я их написал, а требовать, чтобы и читателям СТАЛО ЛУЧШЕ от того, что они их прочитают – это уже слишком много хотеть.

Десятый вопрос: **«Самые значительные русские философы – кто они? Именно для Вас?»**

Лев Толстой, Державин, Пушкин, может быть. Так я говорю, автоматически, и тут же спохватываюсь – Вы же спрашиваете о философах! И... русские философы, самые значительные, – это Ленин, Сталин. У меня есть собрание сочинений Ленина и Сталина. Опять-таки, Вы скажите, что это было 50 лет назад, даже 51, даже 52. Но тогда вот как надо – надо подождать, когда СКАЖУТ, кто у нас ведущий философ! Уже и начинают говорить. Тогда всё станет просто. Но вот учтите, что есть шанс, опасный шанс, что не скажут. И тогда придётся рискнуть судить самим. Но это дело не привычное. Трудное.

Ваш одиннадцатый вопрос... Я даже не знаю, как его назвать. Я никогда не слышал, чтобы такие вопросы задавали. Он мне кажется очень глубоким:

«Есть ли у Вас личный главный вопрос к себе? К Другим? К Третьим?»

Вы сказали это глубоко настолько, что я даже не понял, но ответить могу. Во-первых, к себе у меня вопросов нет! Потому что, всё равно, я не смогу как следует ответить. К Другим у меня вопрос есть: ЧЕМ ОНИ ЗАНЯТЫ? Я до сих пор

этого не понял. Я понимаю, чем заняты дети и чем заняты люди, которые не вышли из детства. К Третьим у меня тоже есть вопрос: когда они перестанут?! Заниматься тем, чем они занимаются. Но это не значит, что я хотел бы, что бы они перестали. Потому что будет хуже... Может быть.

– *А кто такие Третьи?*

– Третьи? Это Вы говорите «Третьи». Это Вы сказали...

– *И еще один вопрос, последний. Россию сотрясают террористические акты, в Нью-Йорке произошло «11-ое сентября». Как Вы думаете, в мире идёт партизанская война?*

– Я думаю, что нет.

– *То есть, что война не идёт? Что случаются только военные эпизоды?*

– Всякая война – это эпизод. Или, если хотите, война идёт всегда! Но тогда не говорите о мире! Тогда бывает спокойствие солдата на фронте. И опытный солдат, он – душе-евный... Когда новичок приходит на фронт, то он буквально дрожит, это физическое – ЖИВОТ другой становится, когда он знает, что завтра утром пуля в него может попасть. Навсегда. Это состояние невыносимое. Но очень быстро солдат догадывается: «Так я ВСЕГДА был такой, что я могу умереть. Я приму это так – что сейчас я живу, а завтра меня, возможно, не будет...» Не все, разумеется, может даже не большинство, но многие на войне солдаты, вообще военные, я ТОЧНО ЗНАЮ, что они так успокаиваются.

– *А откуда Вы это ТОЧНО знаете?*

– Знаю. Через рассказы, через родственников, отчасти через свой опыт, но не военный. Нет-нет, это так. Шаг от нервной тряски, невроза до спокойствия – не такой большой. Так что, я не уверен, что Вы правы, что война, партизанская или всякая другая, всех захватывает и всех выводит из состояния «нормально»...

Под занавес нашего общения Владимир Вениаминович рассказал футурологический анекдот, который ему рассказал некогда Сергей Сергеевич Аверинцев:

– Уже наступила эпоха, когда власть в России – африканская. Русские интеллектуалы говорят: «Э-э-э... плохо. При китайцах нас, всё-таки, не ели!»

И от себя добавил:

– Это не страшно.

ВТОРОЕ ИНТЕРВЬЮ

(Делалось для русского журнала «Форбс». Начало мая 2004 года. С Владимиром Вениаминовичем Бибихиным разговаривали Сергей Бережной и Максим Кашулинский)

В сентябре 2003 года Бибихин был приглашён на заседание Серафимовского клуба, где выступил с речью о современном состоянии России в свете её государственно-идеологической истории. О современной эпохе «первоначального накопления капитала» он высказался так:

«Экспериментальное семидесятилетие после 1917 года было попыткой обойтись на государственном уровне без Бога. Главное содержание нового эксперимента, официально узаконенного в 1991 году, – не финансовые технологии, а попытка социально устроиться без совести».

В мае 2004 года мы обратились к философу за уточнениями:

ИНТЕРВЬЮ: «ДЕНЬГИ – ЭТО БОГ. ХОТЯ БОГ – ЭТО НЕ ДЕНЬГИ...»

– *Можно сказать и так, что с 1991 года Россия живёт под знаком денег. Каковы будут следствия этой «попытки социально устроиться без совести» – согласно Вашему определению сути «реформ» 90-х годов? Что ещё произойдёт со страной?*

– Произойдёт то же, что произошло после социалистической революции. Как Россия проела социализм, так она проест и капитализм. Капитализм будет разыгран как по нотам и уйдёт. Дикий капитализм уйдёт. На Западе его уже давно нет, там – СОЦИАЛЬНОЕ рыночное хозяйство. Швеция гораздо ближе к социализму, чем мы когда-то к нему были.

Сейчас же, я думаю, как в 1929 году, грозит «коллективизация», раскулачивание. Процесс совершенно естественный, происходящий на какой-то год после революции, касающийся жизни поколений. Так было после социалистической революции, так будет и после этой, «финансовой» революции. Меняется «климат», это чувствуют все, – он становится

более жёстким. Время имеет разную окраску. И время стало ДРУГОЕ.

– *Но что такое деньги сами по себе? Что Это? – Власть? Время? Защита от мира? Защита от Судьбы? Иллюзия такой Защиты? Иллюзия Безопасности?*

– Захватывающий вопрос. Ольга Александровна Седакова, поэтесса (может быть, вы видели её роскошный двухтомник, изданный года 2–3 назад? Его издал Борис Гольдман – тот, который был убит с двумя телохранителями на второй день Пасхи в этом году (прим. Речь идёт, естественно, о 2004 годе). Он его издал как ученик и как почитатель Ольги Александровны), мне гадала по руке и по ней видно, что у меня денег не было, нет и никогда не будет. Никакой денежной линии. Но, с другой стороны, о красоте судят не только красивые, о деньгах – не только денежные. И, между прочим, на некрасивых красота действует не менее убийственно, чем на красивых...

...Хотел бы я посмотреть на человека, который знает, что такое деньги... Так что, я думаю, что деньги – это Бог, это Божество. Хотя Бог – это не деньги. Как говорили философия-славцы: Имя Божие – это Бог, но Бог не есть Имя.

Являются ли деньги защитой от Судьбы, иллюзией безопасности? Когда Сорос мне дал сначала 500 долларов, потом ещё 4000 за грант в самые голодные годы, в начале 90-х, на которые моя семья жила 2 года, то это была скорее, всё-таки, Судьба, чем защита от Судьбы, и это была вовсе НЕ иллюзия безопасности.

– *Может быть, люди хотят, всё-таки, чего-то другого – под видом денег? Что, вообще, дают деньги?*

– Хм! Контр-вопрос: а чего они не дают? Здоровье, жизнь, любовь – они ВСЁ дают! Более актуальным мне кажется другой вопрос: что я могу дать за деньги? И вот оказывается – ни-че-гошеньки, ровным счётом! Ни пальцем о палец ради денег не ударю! Ни секунды времени я не потрачу ради денег. Что? Я продаюсь, что ли? Мне надо, чтобы деньги шли ко мне ТАК. За «красивые глаза». За то, что я делаю то, что мне нравится делать. Продавать ради денег хотя бы час времени в день?! Я не верю,

что это возможно! Я не верю, что есть хоть один человек на свете, который что-то делает ради денег, продаёт себя ради денег.

– *Есть множество людей, которые утверждают, что они именно этим и занимаются – продают себя ради денег.*

– Скорее всего, как вы и предположили, люди хотят чего-то другого под видом денег. Скорее всего, они хотят Бога – под видом денег. По крайней мере, деньги – это огромная загадка. Разберитесь, подумайте.

– *Вы посвятили главу «своему, собственному» в книге «Другое начало», где говорите о приватизации в РФ, как о стихийном «захвате мира» и о темноте понятия «собственность». Сейчас, как бы Вы сказали об этом – что такое «собственность»?*

– Что такое, собственно, «собственность»? Это ВОПРОС. Если у меня могут мою собственность отнять или могут МЕНЯ отнять от моей собственности, как Бориса Гольдмана, тогда моя собственность – это то, что у меня отнять нельзя.

Другой аспект. Это аристотелевская мысль: да-а..., собственность должна быть..., если собственности не будет, то, как же человек будет дарить? А если он не будет дарить, то, как же он полюбит?

Чтобы полюбить человека, надо что-то ему подарить. Если же кто-то дарит НАМ, то мы начинаем этого человека, в общем-то, не любить. То же самое происходит и со страной. Если кто-то, какие-то капиталисты, например, ставят перед собой задачу освоения России, то, чтобы привязать себя к стране, к людям, к этой географии, надо что-то ей дать. Привязаться к чему-то можно только через дар...

...А в заключение, без вопроса, мне просто вспомнилась одна африканская песня:

«Ночь сменяется днём,

После солнца снова взойдёт луна,

Ничто не укроется от всевидящего ока
(вариант (не ясно слышно): Бога),

НИ сегодня, НИ сегодня, НИ сегодня
БУДЕТ наказан обижающий сироту».

Бережной С.Б.

О МОИХ ИНТЕРВЬЮ С БИБИХИНЫМ

Так уж получилось, что я – единственный, кому пришла в голову простая мысль подойти к Владимиру Вениаминовичу Бибихину в качестве журналиста и с ним поговорить в формате «интервью». Кстати, английское слово «inter» переводится на русский как «хоронить», что в сумме даёт такой возможный перевод: «inter-view» – «хоронить-взгляд». Поэтому об «интервью» я говорю исключительно иронично и в кавычках. Скорее уж мы с Владимиром Вениаминовичем «беседовали» (хотя тоже корень в слове ещё тот) или, если уж говорить совсем точно, Бибихин как всегда читал лекцию, ибо за два дня до нашей «собеседовательной встречи» получил от меня текст моих вопросов, после чего к данной встрече и набросал конспект своих ответов.

12 декабря 2004 года Бибихин умер. Интервью от 25 марта 2004 г. – единственное крупное интервью, взятое у Бибихина за всю его жизнь. Оно предназначалось для московского журнала «Большой город», но не было там напечатано, так как показалось редакторам «сложноватым» для простого и популярного издания. Всего же Бибихин дал два интервью за всю жизнь. Второе – тоже мне (в мае 2004 г.). Но оно небольшое, состоит из трех вопросов и посвящено теме «денег и собственности». Оно предназначалось журналу русский «Forbes», но также не было там напечатано, так как не понравилось тогдашнему главному редактору Полу Хлебникову. Максим Кашулинский, шеф-редактор означенного журнала и соавтор данного интервью (в июле 2004 года после гибели Пола Хлебникова он стал главным редактором), тогда заметил, что интервью Бибихина напоминает ему хороший коньяк, который с ходом времени становится дороже.

Кроме того, один раз Бибихину прислали пять вопросов по интернету от журнала, если не ошибаюсь, «Искусство Кино» и ответы на них Бибихин приводит в своей книге «Другое Начало».

Предлагаемые мной тексты, таким образом, вполне эксклюзивны. Логика данного материала проста: Диалог с великим человеком (сейчас, по-

сле Его ухода, такие вещи можно называть своим именем) по линии наиболее значительных тем и событий (на мой, естественно, взгляд) современности.

И ещё раз – кто же такой Бибихин Владимир Вениаминович? Когда в 1994 году в Москву приехал Жак Деррида (вряд ли кто будет оспаривать заявление о его величии и даже о его «первостии» в списке современных философских имён), то непредвзятый наблюдатель мог наблюдать следующую картину в битком набитой студентами и преподавателями аудитории 1-го гуманитарного корпуса МГУ: в первых рядах аудитории сидела вся основная ведущая философская общественность г. Москвы и регионов – десятки людей. Среди них был и Бибихин. Деррида зашел в аудиторию, подошел к Бибихину и уважительно поздоровался с ним за руку. И за руку – больше ни с кем. Ну, это так – символический штришок.

Бибихин, на мой взгляд, – это один из очень немногих русских философов за всю историю отечественной философии. Именно философ. Русская почва рождала выдающихся историков философии, таких, как Лосев. Религиозных мыслителей, таких, как Флоренский, людей Культуры, таких, как Аверинцев. Но Бибихин практически уникален тем, что русская почва в его случае сделала исключение из своего правила не следовать за почвами германской и французской в деле производства «философа-просто», «мыслителя-какового», «философа-в-себе». Что и ставит его имя в ряд таких имен, как Хайдеггер, Деррида. Кстати, Деррида умер тоже совсем незадолго до Бибихина – в октябре 2004 года. Бибихин не был пророком, он часто ошибался, по моим наблюдениям и мнениям. Он не произвёл на свет никакой философской системы, никакого «изма», и вообще был весьма не систематичен. Но он умел думать (а ведь этого почти никто не умеет), умел ставить вопросы (а ведь их почти никто не задаёт) и он жил «в мысли».

То есть Бибихин – это представитель редчайшего человеческого вида «Homo meditator».